

Антон Чехов

Зиночка

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
Зиночка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176124

Антон Павлович Чехов

Зиночка

Компания охотников ночевала в мужицкой избе на свежем сене. В окна глядела луна, на улице грустно пиликала гармоника, сено издавало приторный, слегка возбуждающий запах. Охотники говорили о собаках, о женщинах, о первой любви, о бекасах. После того как были перебраны косточки всех знакомых барынь и была рассказана сотня анекдотов, самый толстый из охотников, похожий в потемках на копну сена и говоривший густым штаб-офицерским басом, громко зевнул и сказал:

– Не велика штука быть любимым: барыни на то и созданы, чтоб любить нашего брата. А вот, господа, был ли кто-нибудь из вас ненавидим, ненавидим страстно, бешено? Не наблюдал ли кто-нибудь из вас восторгов ненависти? А?

Ответа не последовало.

– Никто, господа? – спросил штаб-офицерский бас. – А вот я был ненавидим, ненавидим хорошенькой девушкой и на себе самом мог изучить симптомы первой ненависти. Первой, господа, потому что то было нечто как раз противоположное первой любви. Впрочем, то, что я сейчас расскажу, происходило, когда я еще ничего не смыслил ни в любви, ни в ненависти. Мне было тогда лет восемь, но это не беда: тут, господа, важен не он, а она. Ну-с, прошу внимания. В

один прекрасный летний вечер, перед заходом солнца, я и моя гувернантка Зиночка, очень милое и поэтическое создание, незадолго перед тем выпущенное из института, сидели в детской и занимались. Зиночка рассеянно глядела в окно и говорила:

– Так. Мы вдыхаем кислород. Теперь скажите мне, Петя, что мы выдыхаем?

– Углекислоту, – отвечал я, глядя в то же окно.

– Так, – соглашалась Зиночка. – Растения же наоборот: вдыхают углекислоту и выдыхают кислород. Углекислота содержится в сельтерской воде и в самоварном угаре... Это очень вредный газ. Близ Неаполя есть так называемая Собачья пещера, содержащая в себе углекислоту; пущенная в нее собака задыхается и умирает.

Эта несчастная Собачья пещера близ Неаполя составляет химическую мудрость, дальше которой не решится шагнуть ни одна гувернантка. Зиночка всегда горячо отстаивала пользу естественных наук, но едва ли знала по химии еще что-нибудь, кроме этой пещеры.

Ну-с, она приказала повторить. Я повторил. Она спросила, что такое горизонт. Я ответил. А на дворе в это время, пока мы жевали горизонт да пещеру, мой отец собирался на охоту. Собаки выли, пристязжные нетерпеливо переминались с ноги на ногу и кокетничали с кучерами, лакеи начиняли тарантас кулками и всякой всячиной. Возле тарантаса стояла линейка, в которую садились мать и сестры, чтобы ехать к

Иваницким на именины. Дома оставались только я, Зиночка да мой старший брат – студент, у которого болели зубы. Можете представить мою зависть и скуку!

– Так что же мы вдыхаем? – спросила Зиночка, глядя в окно.

– Кислород...

– Да, а горизонтом называется место, где, как нам кажется, земля сходится с небом...

Но вот тронулся тарантас, за ним линейка... Я видел, как Зиночка вытащила из кармана какую-то записочку, судорожно скомкала ее и прижала к виску, потом вспыхнула и поглядела на часы.

– Так помните же, – сказала она, – близ Неаполя есть так называемая Собачья пещера... – она опять взглянула на часы и продолжала: – где, как нам кажется, небо сходится с землей...

Бедняжка в сильном волнении прошлась по комнате и еще раз взглянула на часы. До конца нашего урока оставалось еще более получаса.

– Теперь арифметика, – сказала она, тяжело дыша и перелистывая дрожащей рукой задачник. – Вот решите задачу № 325, а я... сейчас приду...

Она вышла. Я слышал, как она спорхнула вниз по лестнице, и затем видел в окно, как ее голубое платье, промелькнув через двор, исчезло в садовой калитке. Быстрота ее движений, краска ланит и волнение заинтриговали меня. Куда

она побежала и зачем? Будучи умен не по летам, я скоро сообразил и понял всё: она побежала в сад затем, чтобы, пользуясь отсутствием моих строгих родителей, забраться в малинник или же нарвать себе черешень! Когда так, и я же, чёрт возьми, пойду есть черешни! Бросил я задачник и побежал в сад. Подбегаю к черешням, но ее уже там нет. Миновав малинник, крыжовник, шалаш сторожа, она через огород идет к пруду, бледная, вздрагивающая от малейшего шума. Я крадусь за ней и вижу, господа, следующее. На берегу пруда, между толстыми стволами двух старых верб, стоит мой старший брат Саша; по его лицу незаметно, чтобы у него болели зубы. Он глядит навстречу Зиночке, и вся его фигура, как солнцем, озарена выражением счастья. А Зиночка, точно ее гонят в Собачью пещеру и заставляют дышать углекислотой, идет к нему, едва двигая ногами, тяжело дыша и закинув назад голову... По всему видно, что на randеву она идет первый раз в жизни. Но вот она подходит... Полминуты они молча глядят друг на друга и как будто не верят своим глазам. Засим какая-то сила толкает Зиночку в спину, она кладет руки на плечи Саши и склоняет свою головку на его жилетку. Саша смеется, бормочет что-то несвязное и с неуклюжестью очень влюбленного человека кладет обе свои ладони на Зиночкину физиомордию. А погода, господа, чудесная... Бугор, за которым прячется солнце, две вербы, зеленые берега, небо – всё это вместе с Сашей и с Зиночкой отражается в пруде. Тишина, можете себе представить. Над осокой золо-

тятся миллионы мотыльков с длинными усиками, за садом гонят стадо. Одним словом, хоть картину рисуй.

Из всего виденного я понял только то, что Саша целовался с Зиной. Это неприлично. Если узнает папа, то обоим достанется. Чувствуя, что мне почему-то стыдно, я ушел к себе в детскую, не дожидаясь конца рандеву. Потом я сидел над задачкой, думал и соображал. По моей роже плавала победоносная улыбка. С одной стороны, приятно быть владельцем чужой тайны, с другой – тоже весьма приятно сознавать, что такие авторитеты, как Саша и Зина, во всякую минуту могут быть уличены мною в незнании светских приличий. Теперь они в моей власти и их спокойствие находится в полной зависимости от моего великодушия. Я же им покажу!

Когда я ложился спать, Зина, по обыкновению, зашла в детскую узнать, не уснул ли я в одежде и молился ли богу. Я посмотрел на ее хорошенькое, счастливое лицо и ухмыльнулся. Тайна распирала меня и просилась наружу. Нужно было намекнуть и насладиться эффектом.

– А я знаю! – сказал я ухмыляясь. – Гы-ы!

– Что вы знаете?

– Гы-ы! Я видел, как около верб вы целовались с Сашей.

Я пошел за вами и всё видел...

Зина вздрогнула, вся покраснела и, пораженная моим намеком, опустила на стул, на котором стояли стакан с водой и подсвечник.

– Я видел, как вы... целовались... – повторил я, хихикая и наслаждаясь ее смущением. – Ага! Вот я скажу маме!

Малодушная Зиночка пристально посмотрела на меня и, убедившись, что я действительно всё знаю, в отчаянии схватила меня за руку и забормотала дрожащим шёпотом:

– Петя, это низко... Я вас умоляю, ради бога... Будьте мужчиной... не говорите никому... Порядочные люди не шпионят... Это низко... умоляю вас...

Бедняжка как огня боялась моей матери, дамы добродетельной и строгой, – это раз; во-вторых, мое ухмыляющееся рыло не могло не осквернять ее первой, чистенькой и поэтической любви, а потому можете себе представить состояние ее духа. По моей милости, она не спала всю ночь и наутро явилась к чаю с синими кругами под глазами... Встретясь после чая с Сашей, я не вытерпел, чтоб не ухмыльнуться и не похвастать:

– А я знаю! Я видел, как ты вчера целовался с m-Це Зиной!

Саша посмотрел на меня и сказал:

– Ты глуп.

Он не был так малодушен, как Зиночка, а потому эффект не удался. Это меня еще больше подзадорило. Если Саша не испугался, то, очевидно, он не верил, что я всё видел и знаю; так постой же, я тебе докажу!

Занимаясь со мной до обеда, Зиночка не глядела на меня и заикалась. Вместо того чтобы припугнуть, она всячески заискивала у меня, ставя мне пятерки и не жалуясь отцу на мои

шалости. Будучи умен не по летам, я эксплуатировал ее тайну, как хотел: не учил уроков, ходил в классной вверх ногами и говорил дерзости. Одним словом, продолжай я в таком духе до сегодня, из меня выработался бы прекрасный шантажист. Ну-с, прошла неделя. Чужая тайна подзадоривала и пучила меня, как заноза в душе. Мне во что бы то ни стало хотелось выболтать ее и полюбоваться эффектом. И вот однажды за обедом, когда у нас было много гостей, я преглупо ухмыльнулся, ехидно поглядел на Зиночку и сказал:

– А я знаю... Гы-ы! Я видел...

– Что ты знаешь? – спросила мать.

Я еще ехиднее поглядел на Зиночку и Сашу. Надо было видеть, как вспыхнула девушка и какие злые глаза сделал Саша! Я прикусил язык и не продолжал. Зиночка постепенно побледнела, стиснула зубы и уж ничего не ела. В тот же день во время вечерних занятий я в лице Зиночки заметил резкую перемену. Оно казалось строже, холоднее, как будто мраморнее, а глаза глядели странно, прямо мне в лицо, и, я вам даю честное слово, даже у гончих, когда они догоняют волка, я никогда не видел таких поражающих, уничтожающих глаз! Выражение их я отлично понял, когда она среди урока вдруг стиснула зубы и процедила:

– Ненавижу! О, если б вы, гадкий, отвратительный, знали, как я вас ненавижу, как мне противна ваша стриженная голова, ваши пошлые, оттопыренные уши!

Но тотчас же она испугалась и сказала:

– Это я не вам говорю, а повторяю роль...

Потом, господа, ночью я видел, как она подходила к моей постели и долго глядела мне в лицо. Она ненавидела страстно и уж не могла жить без меня. Созерцание моей ненавистной рожи стало для нее необходимостью. А то, помню, был прелестный летний вечер... Пахло сеном, была тишина и прочее. Светила луна. Я ходил по аллее и думал о вишневом варенье. Вдруг подходит ко мне бледная, прекрасная Зиночка, хватая меня за руку и, задыхаясь, начинает объясняться:

– О, как я тебя ненавижу! Никому я не желала столько зла, как тебе! Пойми это! Мне хочется, чтобы ты понял это!

Понимаете ли, луна, бледное лицо, дышащее страстью, тишина... даже мне, свиненку, стало приятно. Слушал я ее, глядел на ее глаза... Сначала мне было приятно и ново, но потом пробрал страх, я вскрикнул и сломя голову побежал в дом.

Я решил, что самое лучшее – это пожаловаться маман. И я пожаловался, рассказав кстати и о том, как Саша целовался с Зинойчкой. Я был глуп и не знал последствий, иначе бы я оставил тайну при себе... Маман, выслушав меня, вспыхнула негодованием и сказала:

– Не твое дело говорить об этом, ты еще очень молод... Но, однако, какой пример для детей!

Моя маман была не только добродетельна, но и тактична. Она, чтобы не поднимать скандала, выжила Зиночку не сразу, а постепенно, систематически, как вообще выживают по-

рядочных, но нетерпимых людей. Помню, когда уезжала от нас Зиночка, то последний ее взгляд, который она бросила на дом, был направлен к окну, где я сидел, и, уверяю вас, я до сих пор помню этот взгляд.

Зиночка скоро стала женою брата. Это Зинаида Николаевна, которую вы знаете. Потом я встретился с нею, когда уже был юнкером. При всем ее старании она никак не могла узнать в усатом юнкере ненавистного Петю, но всё же обошлась со мной не совсем по-родственному... И теперь даже, несмотря на мою добродушную плешь, смиренное брюшко и покорный вид, она всё еще косо глядит на меня и чувствует себя не в своей тарелке, когда я заезжаю к брату. Очевидно, ненависть так же не забывается, как и любовь... Чу! Я слышу, поет петух. Спокойной ночи! Милорд, на место!